Е. Спекторскій.

БѢЛИНСКІЙ

и западничество.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа
Краковское-Предмѣстье № 3.

1912.

ПРОВ 1953

PV
240
СПг

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

Бѣлинскій и западничество [1]).

Великихъ писателей часто почитаютъ совсѣмъ не за то, чѣмъ они дѣйствительно велики. Такъ, иные современники Петрарки гораздо больше прославляли его за латинскіе гексаметры, чѣмъ за итальянскіе сонеты. Такихъ ошибокъ въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго не избѣжали нѣкоторые его почитатели. Такъ, Грановскій, а вслѣдъ за нимъ даже и Тургеневъ несомнѣнно ошибались, называя Бѣлинскаго русскимъ Лессингомъ. Неистовый Виссаріонъ съ его стремительнымъ домогательствомъ истины и ученый издатель Вольфенбюттельскихъ фрагментовъ съ его дисциплинированнымъ протестантскимъ раціонализмомъ были люди разнаго темперамента и разныхъ культуръ. Ни Бѣлинскій не былъ русскимъ Лессингомъ. Ни Лессингъ не былъ нѣмецкимъ Бѣлинскимъ. Каждый изъ нихъ настолько великъ самъ по себѣ, что его можно и должно изучать не какъ болѣе или менѣе общій типъ, а какъ нѣчто совершенно индивидуальное, не имѣющее себѣ подобныхъ.

Съ этой точки зрѣнія возникаетъ такой вопросъ: Бѣлинскаго обыкновенно причисляютъ къ русскимъ западникамъ. Правиленъ ли такой взглядъ? Дѣйствительно ли онъ былъ западникомъ тридцатыхъ и сороковыхъ

годовъ? Это не простая ученая справка, а вопросъ, отъ котораго зависитъ какъ историческое, такъ и принципіальное значеніе Бѣлинскаго. Во-первыхъ, это вопросъ о степени его независимости. Во-вторыхъ, это вопросъ о томъ, насколько его идеи могутъ выдержать испытаніе времени, этого „великаго критика", какъ онъ самъ выражался [2]), насколько ихъ содержаніе является не временнымъ и преходящимъ, а длительнымъ и даже, можетъ быть, вѣчнымъ. Наконецъ, это вопросъ о томъ, насколько Бѣлинскій является писателемъ общерусскимъ. Славянофильство и западничество давно уже перестали быть безобидными, утопическими, кабинетными доктринами, которыя, какъ писалъ Хомяковъ въ 1844 г., „не мѣшаютъ какому-то добродушному русскому единству". Это враждебныя партіи, которыя ведутъ уже не философскіе споры другъ съ другомъ, а ожесточенную гражданскую борьбу, лишній разъ подтверждающую старое Аристотелево замѣчаніе, что тяжки войны между братьями. Если Бѣлинскій былъ западникомъ и только западникомъ, то не приходится ли считать его духовнымъ вождемъ только одной партіи, одного толка русскаго общества? Вотъ почему я и позволю себѣ остановиться на вопросѣ, дѣйствительно ли Бѣлинскій былъ западникомъ и, если да, то въ какомъ именно смыслѣ.

Вопросъ этотъ далеко не такъ простъ, какъ это можетъ казаться. Такъ, Бѣлинскій обвинялъ своихъ противниковъ изъ славянофильскаго лагеря въ томъ, что они „высосали" [3]) свою доктрину у французскихъ соціалистовъ, иными словами, обвинялъ ихъ въ западничествѣ. Далѣе, онъ находилъ у славянофиловъ много пріемлемаго и даже привлекательнаго. Наконецъ, нѣкоторые изъ его собственныхъ взглядовъ сильно напоминаютъ славянофильскія ученія. Какъ Тургеневъ, описывая наружность Бѣлинскаго, говорилъ о его голубыхъ глазахъ, а Кавелинъ—о сѣрыхъ, такъ и объ убѣжденіяхъ Бѣлинскаго можно какъ будто утверждать и то, что онъ былъ

западникомъ, и то, что онъ былъ славянофиломъ. Очевидно, одно изъ двухъ: или Бѣлинскій совсѣмъ не былъ западникомъ, или же онъ былъ западникомъ въ особомъ, высшемъ смыслѣ.

Что же такое западничество вообще и въ частности то западничество, которое исповѣдовалъ Бѣлинскій?

Западничество можно понимать въ троякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, какъ западничество бытовое, какъ сознательное предпочтеніе русскому быту быта или всѣхъ вообще западноевропейскихъ народовъ или преимущественно одного изъ нихъ. Такого рода западничество возникло еще въ XVIII вѣкѣ. Имъ были одержимы всѣ тѣ, которые, какъ извѣстный фонвизинскій герой, скорбѣли о томъ, что тѣло ихъ принадлежитъ Россіи, зато утѣшались тѣмъ, что душа ихъ всецѣло принадлежитъ коронѣ французской. Не считаясь съ предостереженіемъ Фонвизина „кто самъ въ себѣ рессурсовъ не имѣетъ, тотъ и въ Парижѣ проживетъ, какъ въ Угличѣ", они мечтали о жизни на западѣ, какъ о высшемъ счастьи. Они подставляли внѣшнимъ впечатлѣніямъ западной жизни свою нерѣдко пустую душу какъ tabulam rasam, чистую неисписанную доску. Жизнь въ Россіи они понимали и допускали только какъ насажденіе въ ней французскаго по преимуществу быта, т. е. напудренныхъ петиметровъ, дамъ въ роброндахъ и съ мушками, французскаго языка, вкуса и стиля. Русскую литературу они или совсѣмъ не признавали или же допускали только въ видѣ слѣпого, рабскаго подражанія литературѣ французской. Поскольку, какъ выразился Бѣлинскій, въ Россіи XVIII вѣка не было общества, а былъ дворъ, постольку это, при относительной бѣдности идейнаго содержанія, давало съ внѣшней стороны блестящую картину —настолько блестящую, что въ настоящее время иные художники и писатели ищутъ и находятъ въ ней источникъ своего вдохновенія. Поскольку же западничество такого рода всетаки проникало и въ общество, постольку

оно давало нерѣдко довольно уродливые результаты. Плодомъ его была та среда, которая окружала дѣтство Герцена. „Иностранцы дома,—писалъ онъ о ней—иностранцы въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ" [4]). Въ XIX вѣкѣ представителемъ такого бытового западничества былъ Чаадаевъ съ его идеализаціею католичества и всей вообще западной культуры, доходившею до того, что даже элементарныя нравственныя понятія - о долгѣ, чести, обязанности—онъ склоненъ былъ считать исключительною принадлежностью западнаго человѣка, его психологіею, болѣе того, его физіологіею [5]). Такого рода западничествомъ страдалъ нѣкоторое время также и Герценъ. Онъ съ восторгомъ покидалъ Россію. Ему казалось, что онъ навѣки разстается съ тяжелымъ, гнетущимъ кошмаромъ и что за предѣлами Россіи его ожидаютъ новое небо, новая земля, новая жизнь. И все это рисовалось ему какъ какой-то волшебный сонъ. Но потомъ онъ отказался отъ такой мечты. Внѣшняя сторона западной жизни стала наводить на него скуку: „въ Парижѣ — писалъ онъ [6]) — весело-скучно, въ Лондонѣ—безопасно скучно, въ Римѣ—величаво-скучно, въ Мадридѣ—душная скука, въ Вѣнѣ—скука душная". Внутренняя сторона западной жизни стала ужасать его тѣмъ, что въ ней какъ будто уже все закончено, нѣтъ болѣе проблемъ, вопросовъ, зато есть отвѣты рѣшительно на все; и главный, окончательный отвѣтъ—мелкое, самодовольное, ограниченное мѣщанство, угрожающее превращеніемъ всего человѣчества въ что-то вродѣ прессованной паюсной икры, въ безконечную массу равныхъ и подобныхъ другъ другу сѣрыхъ индивидовъ. Это зрѣлище дѣйствовало угнетающе на Герцена. И всѣ его мечты обратились на потерянное

и не возвращенное отечество. „Съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій", писалъ онъ въ 1857 г. [7]). „Сердце замираетъ при мысли вѣчной разлуки", писалъ онъ „Съ того берега": „будто я не увижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ полный юношескихъ мечтаній; эти домы такъ сроднившіеся съ воспоминанія, наши русскія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи" [8]).

Вторая форма западничества — это западничество интеллектуальное, самоподчиненіе русскихъ умовъ тѣмъ или инымъ философскимъ, научнымъ или соціальнымъ доктринамъ западнаго происхожденія, какъ сущей истинѣ. Такого рода западничествомъ страдали русскіе шеллингіанцы и гегельянцы, которыми, какъ писалъ Герценъ, „всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней" [9]). Сюда же въ значительной степени относилась и „такъ называемая западная профессорская партія" въ Московскомъ университетѣ, какъ выражается въ своихъ запискахъ [10]) историкъ С. М. Соловьевъ. Западничествомъ подобнаго рода страдаютъ и до настоящаго времени всѣ умы догматическаго склада, предпочитающіе вѣровать, чѣмъ изслѣдовать, предпочитающіе чтеніе размышленію и видящіе готовый отвѣтъ на любой вопросъ въ мнѣніяхъ и утвержденіяхъ того или иного западнаго автора.

Есть, наконецъ, третья форма западничества, именно западничество не бытовое и не интеллектуальное, а, если можно такъ выразиться, міровое. Это не столько любовь къ западу, какъ таковому, сколько особая форма любви къ Россіи. Это желаніе, чтобы она не только стала на высоту всего лучшаго, что выработано западомъ, но еще и превзошла все это и заняла міровое

мѣсто во всѣхъ сферахъ жизни какъ духовной, такъ и соціальной. Въ такомъ смыслѣ лучшіе русскіе люди были и будутъ западниками.

Въ какомъ же смыслѣ былъ западникомъ Бѣлинскій? Менѣе всего увлекался онъ бытовымъ западничествомъ. „Я—натура русская", писалъ онъ въ 1847 г. [11]). „Не хочу быть даже французомъ, хотя эту націю люблю и уважаю больше другихъ". И дѣйствительно ему никогда не приходило въ голову желаніе перестать быть Бѣлинскимъ и стать какимъ-нибудь Бланшаромъ, Уайтомъ или Блейхманомъ. Не стремился онъ и на западъ. Въ 1843 г. ему представилась возможность поѣхать за границу—и онъ отказался. „Если бы—писалъ онъ — Европа сама пріѣхала ко мнѣ въ гости, я бы не принялъ ее теперь" [12]). Что же его удерживало? „Рассейская литература, чортъ бы ее съѣлъ, да и подавился бы ею", энергично объяснялъ Бѣлинскій. При этомъ онъ не хвастался и не рисовался, а, напротивъ, даже извинялся и оправдывался: „другой—писалъ онъ [13]) на моемъ мѣстѣ, чтобы только отъ нея убѣжать, бросился бы хоть въ киргизскія степи, а я... отказываюсь отъ поѣздки въ Италію, Францію, Германію, Голландію, на Рейнъ и пр., отказываюсь отъ чудесъ природы, искусства, цивилизаціи и можетъ быть еще чего-нибудь большаго. Такова ужъ моя натура". Только въ 1847 г. Бѣлинскій ѣдетъ за границу, но со спеціальною цѣлью лѣчиться отъ чахотки или, какъ онъ выражается [14]), „закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни". И вотъ тогда-то и обнаружилось, какъ онъ былъ далекъ отъ бытового западничества. Тургеневъ, который, какъ признавался самъ Бѣлинскій, былъ за границею его нянькою, безъ которой онъ никакъ не могъ бы обойтись, пишетъ слѣдующее: „ онъ изнывалъ за границей отъ скуки, его такъ и тянуло назадъ, въ Россію. Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ, какъ рыба на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ пло-

щадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: Не правда ли? вѣдь это одна изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?— И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: Ну, и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста! и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что, на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI; онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а!—и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ „Тарасѣ Бульбѣ" [15]). Въ Зальцбруннѣ Бѣлинскій писалъ [16]): „я раскисъ и изнемогъ душевно, насилу отчитался Мертвыми Душами". Оттуда же онъ написалъ свое знаменитое письмо Гоголю. Въ Дрезденѣ, передъ Сикстинскою Мадонною онъ вспоминаетъ— Пушкина: „я невольно вспомнилъ Пушкина—писалъ онъ: то же благородство, та же грація выраженія, при той же вѣрности и строгости очертаній" [17]). Мы видимъ, что Бѣлинскій продолжаетъ и за границею главнымъ образомъ и даже исключительно интересоваться Россіею и русскою литературою. Ко всему специфически западному онъ, къ ужасу своихъ друзей, проявлялъ полное равнодушіе. Красоты Саксонской Швейцаріи его нисколько не поразили: „я видѣлъ чудную природу - писалъ онъ [18]) —прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія .. но все это скоро надоѣло мнѣ. У меня ужасная способность скоро привыкать къ новости. И потому, мнѣ въ тотъ же день показалось, что я лѣтъ сто сряду видѣлъ всѣ эти дива дивныя, и они давно мнѣ наскучили какъ горькая рѣдька". Такое же равнодушіе проявилъ онъ и къ Рейну и къ Кельну: „я холодно смотрѣлъ на удивительныя мѣстоположенія, на виноградники, на средневѣковые замки.. Вечеромъ прибыли въ Кёльнъ. Когда я сказалъ Анненкову, что рѣшительно не намѣренъ терять цѣлый день, чтобы полчаса посмотрѣть на Кёльнскій соборъ, — съ нимъ чуть не сдѣлался ударъ" [19]). „Въ другой разъ — писалъ Бѣлинскій—меня и калачемъ не выманишь изъ дому... Еслибъ не желаніе основательно вылѣчиться,

я въ августѣ махнулъ бы домой, не жалѣя, что я не видѣлъ того и этого" [20]). Такимъ образомъ западъ Европы, эта „страна святыхъ чудесъ", какъ ее называли даже иные славянофилы, мало привлекалъ къ себѣ Бѣлинскаго. Едва ли можно, какъ это дѣлалъ Тургеневъ, объяснять и оправдывать это тѣмъ, что „онъ уже усталъ и охладѣлъ", такъ какъ „ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ" [21]). Болѣзнь нисколько не помѣшала ему по возвращеніи въ Россію со свойственнымъ ему воодушевленіемъ писать и спорить о Россіи и о русской литературѣ; она не помѣшала ему написать двѣ большія и блестящія статьи: „Отвѣтъ Москвитянину" и „Взглядъ на русскую литературу 1847 года". Причина иная—безучастіе Бѣлинскаго къ западному быту, какъ таковому, и та „мучительная, злая любовь къ Россіи", которая такъ поразила Герцена во время прогулки по Парижскимъ Елисейскимъ полямъ съ Бѣлинскимъ наканунѣ его отъѣзда. „Я люблю русскаго человѣка— писалъ Бѣлинскій по возвращеніи изъ заграницы [22])—и вѣрю великой будущности Россіи". И какъ писала Тургеневу свидѣтельница его послѣднихъ минутъ, онъ „передъ самой смертью говорилъ два часа, не переставая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращаясь къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова".

Такимъ образомъ, хотя даже Достоевскій въ припадкѣ раздраженія увѣрялъ, что если бы Бѣлинскій прожилъ дольше, онъ „разучился бы говорить по-русски, не выучившись все таки по-нѣмецки" [23]), эмигрировалъ бы заграницу „и скитался бы теперь маленькимъ и восторженнымъ старичкомъ гдѣ-нибудь по конгрессамъ Германіи и Швейцаріи" [24]), однако въ дѣйствительности Бѣлинскій всегда былъ далекъ отъ такого бытового западничества.

Не отличался ли онъ зато западничествомъ второго рода, именно западничествомъ интеллектуальнымъ? Вра-

ги и друзья, западники и даже славянофилы постоянно толкали его на этотъ путь. Такъ, Сенковскій писалъ въ 1846 г., что Бѣлинскому непремѣнно слѣдуетъ прочесть книгу Мундта о нѣмецкомъ романтизмѣ, „если—прибавлялъ онъ ядовито — онъ знаетъ нѣмецкій языкъ" [25]). К. Аксаковъ совѣтовалъ ему непремѣнно прочесть „Объ эстетическомъ воспитаніи" Шиллера „хоть во французскомъ переводѣ" [26]). Въ 1838 г. Бакунинъ, К. Аксаковъ и Боткинъ заявили Бѣлинскому, что ему нельзя писать и печататься по недостатку „объективнаго наполненія" [27]). Для пополненія этого пробѣла считалось необходимымъ, чтобы онъ прочелъ побольше иностранныхъ книгъ: „какъ живешь? что читаешь?—писалъ ему Грановскій. — Читай, читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать" [28]). При этомъ имѣлось въ виду чтеніе не творческое, пробуждающее въ читателѣ его собственныя мысли, а подражательное, имѣющее цѣлью просто „себѣ присвоить умъ чужой".

Виссаріонъ въ значительной степени поддавался этимъ совѣтамъ и старался, какъ могъ, въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ. Онъ отдалъ дань и Шеллингу, и Гегелю, и Фейербаху, и Пьеру Леру, или Петру Рыжему, какъ съ конспиративнымъ видомъ переписывались о немъ его друзья, и цѣлому ряду иныхъ иностранныхъ авторовъ. Онъ излагалъ и даже иногда проповѣдовалъ ихъ взгляды, причемъ дѣло не обходилось безъ недоразумѣній, вызывавшихъ въ его ученикахъ недоумѣніе, въ друзьяхъ — добродушную иронію, а во врагахъ — злорадство. Такъ, Кольцовъ, котораго онъ пытался посвятить въ тайны нѣмецкой философіи, простодушно признавался ему: „субъектъ и объектъ я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки" [29]). Тургеневъ [30]) писалъ о Бѣлинскомъ: „онъ смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ — что за бѣда! Мы всѣ учились понемногу, чему - нибудь и какъ - нибудь". „Бѣдный Бѣлинскій — писалъ

онъ же — не имѣлъ понятія, что за птица былъ господинъ Менцель" [31]), когда писалъ свою знаменитую статью „Менцель, критикъ Гете". Погодинъ вышучивалъ попадавшіяся въ статьяхъ Бѣлинскаго „варварскія фразы изъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ" [32]). А Шевыревъ находилъ у него „самое наивное невѣжество" [33]).

Все это было бы очень прискорбно, если бы дѣйствительно Бѣлинскій былъ тѣмъ интеллектуальнымъ западникомъ, какимъ хотѣли его сдѣлать друзья и какимъ его считали враги, увѣрявшіе, какъ Загоскинъ, что онъ будто бы „выучилъ наизусть всю ученую нѣмецкую терминологію" [34]) или что онъ, какъ иронизировалъ Ушаковъ, „намѣренъ былъ получить степень доктора этико - политико - математико - археологико - физико - философико - филологическихъ наукъ—не менѣе" [35]). Но дѣло въ томъ, что Бѣлинскій былъ весьма далекъ отъ притязаній такого рода. Интеллектульное западничество только поверхностно коснулось его. Какъ совершенно основательно замѣтилъ Тургеневъ, „надо жъ было и Бѣлинскому заплатить дань своему времени" [36]). Но дань эта была вовсе не такъ значительна. „Странный я человѣкъ — писалъ Бѣлинскій: иное по мнѣ скользнетъ, а иное такъ зацѣпитъ, что я имъ только и живу" [37]). Интеллектуальное западничество скользнуло по Бѣлинскому. Но не оно его зацѣпило. Это нисколько не удивительно, если имѣть въ виду, во-первыхъ, особенности его натуры, а во-вторыхъ, ту задачу, которую онъ главнымъ образомъ и даже исключительно преслѣдовалъ.

Что касается натуры Бѣлинскаго, то онъ менѣе всего напоминалъ Фаустова Вагнера, этого вѣчнаго ученика, самодовольно переходящаго

Von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt,

въ увѣренности, что онъ всюду находитъ истину, гото-

вый отвѣтъ на любой вопросъ. Это былъ вѣчный искатель. Онъ въ высочайшей степени былъ одержимъ философскимъ эросомъ, наложившимъ отпечатокъ какого-то святого безпокойства какъ на его изможденное болѣзнью лицо, такъ и на его горячія, нервныя статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезвычайно дорожилъ своею независимостью. „Каковъ бы я ни былъ—писалъ онъ [38]), —но я самъ по себѣ... На мнѣ верхомъ ѣздить опасно — сшибу, да еще копытомъ лягну". „Можетъ быть, тутъ проявляется дикость моей натуры,—такъ и быть: буду самъ по себѣ" [39]). „Я не такой человѣкъ, котораго тетрадка можетъ удовлетворить" [40]), пишетъ онъ въ опроверженіе слуха о вліяніи, будто бы оказанномъ на него однимъ изъ выпусковъ младогегельянскихъ Jahrbücher. „Къ чему философскія маски:—будь всякій тѣмъ, что есть" [41]). Въ другомъ письмѣ [42]) онъ говоритъ о „гадости и пошлости духа партій". „Неужели—спрашиваетъ онъ [43]) — талантъ писателя прежде всего не въ его натурѣ, не въ его головѣ, а всегда только въ его направленіи?". „Я давно уже отрѣшился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ измовъ" [44]). Соединеніе такой независимости съ засвидѣтельствованнымъ друзьями неистовствомъ приводило къ тому, что Бѣлинскій не столько поддавался чужимъ идеямъ, сколько, напротивъ, какъ выразился Герценъ [45]), „падалъ, какъ ракета, выжигая кругомъ все, что попадало". Независимость ведетъ за собою одиночество. И Бѣлинскій иногда жаловался на него: „многіе люди меня любятъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ!" [46]). И дѣйствительно Бѣлинскій былъ одинокъ въ главномъ дѣлѣ своей жизни, именно въ созданіи настоящей критики русской литературы. „Неужели—писалъ онъ [47])— на святой Руси только одному мнѣ суждено было добраться (съ грѣхомъ пополамъ) до тайны поэзіи, и носиться съ нею среди васъ, подобно Кассандрѣ съ ея зловѣщею тайною, осуждавшею ее на отчужденіе и оди-

ночество среди ликующаго народа въ свѣтломъ Иліонѣ!" Иногда это сознаніе своего одиночества переходило у Бѣлинскаго въ сознаніе своего превосходства—по краймей мѣрѣ надъ учеными доктринерами: „мнѣ сладко думать—писалъ онъ [48]), — что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ первый нѣсколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь".

Мы подошли такимъ образомъ ко второй причинѣ того, что Бѣлинскаго, въ сущности, только поверхностно коснулось интеллектуальное западничество. Именно, цѣль его жизни выходила за предѣлы этого западничества и его спеціальныхъ цѣлей. Эти послѣднія цѣли состояли въ томъ, чтобы провести сначала въ умы, а затѣмъ и въ жизнь все то, что пріобрѣтено и что требуется западною наукою и философіею. И вотъ наука, какъ таковая, да и философія какъ таковая, не влекли къ себѣ Бѣлинскаго. „Наука для меня не существуетъ—писалъ онъ,—я не такъ воспитыванъ, не такъ развивался, чтобы быть способнымъ заняться ею" [49]). Въ заключеніи своихъ „Литературныхъ мечтаній" онъ писалъ: „я не говорилъ ни слова о томъ, что было выше моего понятія, и поэтому не коснулся до нашей ученой литературы" [50]). Въ позднѣйшихъ обзорахъ русской литературы, какъ извѣстно, объ ученыхъ трудахъ писалъ не Бѣлинскій, а его болѣе компетентные друзья. Такое относительное равнодушіе Бѣлинскаго къ наукѣ огорчало этихъ друзей, но не его самого: „наука — писалъ онъ въ 1840 г.—еще не сдѣлала у насъ никакого успѣха, и потому не въ ней должно искать нашего міросозерцанія" [51]). „Наука у насъ еще слишкомъ нѣжное и слабое растеніе... наука на Руси до сихъ поръ еще что-то въ родѣ элевзинскихъ таинствъ,—исключительное достояніе небольшого избраннаго класса людей" [52]).

Что же больше всего занимало Бѣлинскаго? „Литературѣ рассейской моя жизнь и моя кровь", писалъ

онъ [53]). Русская литература и ея критика—такова была родная стихія Бѣлинскаго. И вотъ въ этой стихіи ему пришлось итти своимъ независимымъ путемъ. Есть два типа литературной и всякой иной критики—догматическій и конгеніальный. Догматическая критика признаетъ ту или иную доктрину непогрѣшимою истиною и критеріемъ, съ высоты котораго она подводитъ всѣ литературныя явленія подъ одинъ уровень: она одобряетъ и признаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ этому критерію; все прочее она безпощадно отвергаетъ. Она судитъ литературу съ высоты предвзятыхъ идей. Конгеніальная критика отправляется не отъ теоріи къ литературѣ, а, напротивъ, отъ литературы къ теоріи. Она стремится перевоплотиться въ данное произведеніе, пережить его, выяснить его на основаніи его собственныхъ принциповъ, договорить до конца то, что хотѣлъ сказать авторъ. Благодаря этому такая критика является критикою творческою: такъ, Гончаровъ только началъ своего Обломова; кончилъ же его критикъ Добролюбовъ въ знаменитой статьѣ „что такое обломовщина". Подобно тому какъ, по выраженію Канта, наука, этотъ одноглазый Полифемъ, получаетъ отъ критической философіи второй глазъ и только поэтому становится вполнѣ зрячею, такъ и литература становится вполнѣ законченною только благодаря конгеніальной критикѣ. И вотъ если бы Бѣлинскій былъ критикомъ догматическимъ, то ему дѣйствительно были бы необходимы всѣ тѣ западныя руководства, которыми его такъ усердно снабжали со всѣхъ сторонъ. Но онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ такого рода критики. „Было время —писалъ онъ [54]),—когда теорія искусства представлялась съ математическою точностью, такъ что для постиженія искусства не нужно было имѣть отъ природы чувства изящнаго... Стоило присѣсть на часокъ, да прочесть любую піитику—и потомъ разсуждать объ искусствѣ вдоль и поперекъ". Эти времена для Бѣлин-

скаго миновали. И онъ совсѣмъ иначе понималъ задачу критики. „Чтобъ быть критикомъ — писалъ онъ [55]), — надо родиться критикомъ, надо получить отъ природы обширное и глубокое созерцаніе, или внутреннее ясновидѣніе всего что, составляетъ содержаніе искусства; надо получить инстинктъ и тактъ для пониманія изящнаго". Такой критикъ не получаетъ своего критерія извнѣ, отъ какой-либо предвзятой доктрины. „Укажите мнѣ—писалъ Бѣлинскій [56]) — на этотъ сводъ законовъ изящнаго, на это уложеніе искусства, котораго начала были бы вѣчны и незыблемы... котораго параграфы подходили бы подъ всѣ возможные случаи и представляли бы собою стройную систему законодательства, обнимающаго собою весь безконечный и разнообразный міръ художественной дѣятельности"! Этимъ словамъ Бѣлинскаго соотвѣтствовали и его дѣла. Если классическимъ представителемъ русской догматической критики былъ Тредьяковскій, „профессоръ элоквенціи и хитростей піитическихъ", то Бѣлинскій былъ классическимъ представителемъ русской конгеніальной критики, умѣвшей открывать и выяснять красоту какъ въ чистой поэзіи Пушкина, такъ и въ соціальномъ романѣ Достоевскаго, какъ въ романтизмѣ Жуковскаго, такъ и въ реализмѣ Гоголя. Для того, чтобы сдѣлать все это, менѣе всего надлежало быть Тредьяковскимъ интеллектуальнаго западничества. Для этого надо было быть Бѣлинскимъ—не болѣе, но и не менѣе. И вотъ почему насъ не должно изумлять, что интеллектуальное западничество—литературное, философское и политическое—мало его коснулось,—не болѣе, чѣмъ игра въ преферансъ, которою онъ, какъ извѣстно, увлекался одно время.

Это слѣдуетъ сказать прежде всего относительно литературнаго западничества. Не у западныхъ авторитетовъ учился Бѣлинскій писать о русской литературѣ. Объ этомъ онъ не сокрушался, ибо печальнымъ образцомъ критика, прошедшаго западную школу такого рода

былъ для него не кто иной какъ Тредьяковскій. „Тредьяковскій - приводитъ онъ слова Карамзина—учился во Франціи у славнаго Ролленя; зналъ древніе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ... не имѣлъ способности писать" [57]). „Я не подъ закономъ, а подъ благодатію", писалъ Бѣлинскій, констатируя свою эмансипацію отъ Шиллера [58]). „Аллахъ, Аллахъ, зачѣмъ ты сотворилъ нѣмцевъ?... умолкаю" [59]), писалъ онъ, разочаровавшись въ Гете. Не русскіе писатели исчезали у него въ лучахъ славы западныхъ авторовъ, а наоборотъ. „По нашему такъ Шиллеру до Пушкина—далеко кулику до Петрова дня", писалъ онъ: „нѣтъ, пріятели, убирайтесь къ чорту съ вашими нѣмцами—тутъ пахнетъ Шекспиромъ новаго міра" [60]). Даже о Соллогубѣ онъ писалъ: „это поглубже всѣхъ Бальзаковъ и Гюговъ" [61]).

Другимъ видомъ интеллектуальнаго западничества было западничество философское. Оно тоже не слишкомъ глубоко задѣло Бѣлинскаго. Это относится какъ къ философіи романтиковъ, такъ и къ гегельянству. Относительно первой весьма характерно слѣдующее замѣчаніе Бѣлинскаго: „у меня нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation, — и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды" [62]). „Петръ Великій — который былъ очень плохой философъ—понималъ дѣйствительность больше и лучше, нежели Фихте", увѣрялъ онъ въ другомъ письмѣ [63]). Гегель его не удовлетворялъ тѣмъ, что онъ, какъ писалъ Бѣлинскій, „изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ". „Дитя, — писалъ онъ Боткину — полно тебѣ играть въ понятія, какъ въ куклы" [64]). Онъ иронически „кланяется философскому колпаку" Гегеля [65]) и вмѣсто опроверженія его взглядовъ приводитъ фразу изъ Гоголя: „брешетъ, собачій сынъ" [66]). Еще болѣе непочтителенъ онъ по отношенію къ гегельянцамъ: „пигмеи всѣ эти гегелята!" [67]). Можно ли послѣ

этого считать Бѣлинскаго гегельянцемъ? Типичнымъ, и даже, пожалуй, единственнымъ правовѣрнымъ гегельянцемъ на Руси былъ вѣчно одинокій, замкнувшійся въ холодномъ умозрѣніи и апріорныхъ схемахъ Б. Н. Чичеринъ. И вотъ, достаточно сопоставить величавую неподвижность и академическій, абстрактный идеализмъ Чичерина съ кипучею натурою Бѣлинскаго, и станетъ яснымъ, какъ далекъ былъ нашъ критикъ отъ дѣйствительнаго гегельянства.

Третьимъ видомъ интеллектуальнаго западничества было западничество политическое. Бѣлинскій далеко не восхищался русскими порядками тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. И онъ мечталъ о раскрѣпощеніи русскаго общества, въ особенности объ освобожденіи печати и крестьянъ. Но все это онъ дѣлалъ не по Роттеку или Велькеру, не по Пьеру Леру или Фейербаху. Онъ не составлялъ плановъ государственнаго переустройства Россіи по указаніямъ западной науки И, какъ Герценъ, онъ хотѣлъ видѣть въ освобожденіи крестьянъ съ землею не столько повтореніе того, что происходило на западѣ, сколько, напротивъ, новое слово, которое скажетъ Россія и съ которымъ также и для запада откроется новая эра. Поэтому его также трудно признать политическимъ западникомъ, какъ и литературнымъ или философскимъ.

Такимъ образомъ Бѣлинскаго едва ли можно считать западникомъ—по крайней мѣрѣ въ смыслѣ бытовомъ и интеллектуальномъ. Если онъ и былъ западникомъ, то только въ смыслѣ того третьяго, мірового западничества, которое роднитъ его съ лучшими русскими людьми всѣхъ временъ, но которое, собственно говоря, уже не является западничествомъ, какъ таковымъ.

Въ чемъ же оно у него проявлялось? Прежде всего въ необыкновенной широтѣ духовнаго кругозора. Шевыревъ вышучивалъ пристрастіе Бѣлинскаго къ „гро-

БИБЛИОТЕКА

мадному", „міровому", „всемірному" [68]). Но во всемъ этомъ не было рѣшительно ничего ни смѣшного ни предосудительнаго. „Кто причастенъ общему — писалъ Бѣлинскій,—для того личныя выгоды и потребности житейскія — интересы второстепенные, а природа и человѣчество — главнѣйшіе интересы" [69]). Во имя этихъ интересовъ, во имя „человѣчества и вѣчности" [70]) онъ безпощадно нападалъ на все мелкое, ограниченное, самодовольное, какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ своей невѣстѣ: „я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу" [71]). Въ этомъ смыслѣ онъ не признавалъ литературнаго провинціализма, хотя бы онъ носилъ славянскій или даже всеславянскій характеръ: „чехи — писалъ онъ, напримѣръ, — до сихъ поръ Славяне... но и не совсѣмъ Европейцы" [72]). Въ этомъ же смыслѣ осуждалъ онъ и нѣмцевъ: „они — писалъ онъ — до тридцати лѣтъ бываютъ буршами, а остальную—и бо́льшую — половину жизни—филистерами, и поэтому не имѣютъ времени быть людьми" [73]). „И нѣмцамъ — увѣрялъ онъ—предстоитъ возможность сдѣлаться людьми, человѣками, и перестать быть нѣмцами" [74]).

Съ такою широтою духовнаго горизонта у Бѣлинскаго соединялась другая особенность, именно та „всемірная отзывчивость", о которой говорилъ Достоевскій [75]) по поводу Пушкина. Бѣлинскій плохо зналъ французскій языкъ, совсѣмъ не зналъ языка нѣмецкаго. Какъ мы видѣли, онъ плохо разбирался въ специфическихъ особенностяхъ западной жизни и мысли. Но въ то же время путемъ какого-то особаго инстинкта онъ отлично угадывалъ и понималъ все дѣйствительно великое и общечеловѣческое на западѣ. „Бѣденъ и нищъ,—писалъ онъ [76])—кто, нося на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому,—бѣденъ и нищъ, хотя бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингисъ-Хана! Богатъ и могущъ, кто все понимаетъ, всему

сочувствуетъ, — богатъ и могущъ, хотя бы онъ былъ бѣднѣе Ира и назывался владѣльцемъ только собственной души своей!" Въ этомъ смыслѣ богатство Бѣлинскаго было неисчерпаемо. Инстинктивная воспріимчивость его была поразительна. „Въ Германіи нечего смотрѣть", писалъ Герценъ: „Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ" [77]). Вотъ эту идеальную и идейную Германію, которой можно и не замѣтить, несмотря на передвиженіе по ея дорогамъ, на ночлегъ въ ея гостинницахъ, на скитаніе съ путеводителемъ въ рукахъ по ея музеямъ, Бѣлинскій, помимо поѣздки и еще до поѣздки за границу понималъ такъ вѣрно, что его друзьямъ, часто бывавшимъ въ ней и спеціально поучавшимся у нея, оставалось только изумляться. „Бѣлинскій—писалъ кн. Одоевскій [78])—былъ одною изъ высшихъ философскихъ организацій, какія я когда-либо встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ было сопряженіе Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряженіе вполнѣ органическое, ибо онъ никого изъ нихъ не читалъ.... нѣкоторыя ихъ положенія перешли къ нему по наслышкѣ.... но я не могъ не удивляться, какимъ образомъ онъ изъ поверхностнаго знанія принциповъ натуральной философіи развивалъ цѣлый органическій философическій міръ—sui generis". По свидѣтельству Кавелина Герценъ изумлялся, какъ это Бѣлинскій „только изъ отрывочныхъ разговоровъ друзей познакомившись съ системой Гегеля, тотчасъ же сообразилъ, въ чемъ дѣло и суть его, и самъ, безъ чьей-либо помощи, вывелъ всѣ послѣдствія изъ гегельянской философіи, которыя выведены изъ нея позднѣе либеральной и радикальной фракціей гегелевыхъ послѣдователей" [79]). И дѣйствительно, если Бѣлинскій плохо разбирался въ догматической и схоластической сторонѣ Гегелевой діалектики и отзывался о ней безъ особеннаго восхищенія, то онъ зато чрезвычайно глубоко продумалъ и прочувствовалъ тотъ драматизмъ міросданія, который она по настоящему должна была выражать. Подобнымъ же обра-

зомъ Бѣлинскій не щадилъ ни Шиллера ни Гете, поскольку онъ усматривалъ даже у нихъ черты специфически нѣмецкаго филистерства [80]). Но тѣмъ болѣе онъ цѣнилъ въ нихъ элементы міровые. И поэтому онъ имѣлъ полное основаніе безъ всякаго хвастовства писать: „я понимаю Гете и Шиллера лучше тѣхъ, которые знаютъ ихъ наизусть, а не знаю по-нѣмецки" [81]). Бѣлинскій нѣсколько разъ проводилъ параллель между „созерцательностью" нѣмецкой культуры того времени и „соціальностью" культуры французской. И параллель эта поразительно вѣрна и проникновенна.

„Вѣчность—увѣрялъ Бѣлинскій [82])—выноситъ на своихъ волнахъ только одно обще міровое и обще человѣческое, никогда не переходящее, но вѣчно юное, и топитъ въ бездонной пропасти своей все частное и ограниченное условіями обстоятельствъ и требованіями мѣстности и современности". Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій весьма разборчивъ по отношенію къ западу: „пора намъ—писалъ онъ—перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіатское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно человѣческое, и на этомъ основаніи все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвергать съ такою же энергіею, какъ и все азіатское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго" [83]). Съ этой же точки зрѣнія Бѣлинскій весьма разборчивъ также и по отношенію къ своему отечеству.

Это и послужило основаніемъ для обвиненія его въ томъ, что онъ отвергаетъ, отрицаетъ все русское. „Мы не могли—писалъ, напримѣръ, Погодинъ,[84])—простить Бѣлинскому дерзкихъ и невѣжественныхъ выходокъ... противъ началъ русской жизни". Даже Достоевскій въ письмѣ къ Страхову [85]) увѣрялъ, что Бѣлинскому доставляло удовольствіе „бить по щекамъ свою мать (Россію)" и что онъ „проклялъ ее". Обвиненія шли еще дальше. Увѣряли, что Бѣлинскій отрицалъ не только все русское,

но и всякіе принципы, всякую нравственность, вообще все святое на землѣ. Бѣлинскій дѣйствительно отрицалъ многое. И отрицалъ какъ-то странно: не только безъ сожалѣнія, но и съ восторгомъ. Одно время онъ отрицалъ литературу въ Россіи—и радовался. Онъ отрицалъ религію у русскаго народа—и тоже радовался: „У насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ", увѣрялъ онъ въ своей первой же критической статьѣ [86]). „Приглядитесь попристальнѣе и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности", писалъ онъ о русскомъ народѣ Гоголю [87]). Чѣмъ объяснить тотъ восторгъ, тотъ паѳосъ, съ которымъ Бѣлинскій высказывалъ эти, казалось бы, крайне безотрадныя мысли? Это не паѳосъ злорадства, это паѳосъ надежды. Бѣлинскій отрицалъ не какъ скептикъ, потерявшій вѣру и на этомъ успокоившійся, а какъ еще не нашедшій ея искатель. Такъ, онъ мучительно искалъ Бога. Его обвиняли въ атеизмѣ, а между тѣмъ онъ писалъ: „знаете ли вы, что такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что человѣкъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ". „Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога—сказалъ онъ однажды Тургеневу съ горькимъ упрекомъ [88]),—а вы хотите ѣсть!" Мы видимъ, что Бѣлинскій былъ весьма далекъ отъ самодовольнаго атеизма, считающаго своимъ превосходствомъ свое нежеланіе или неумѣніе дать положительный отвѣтъ на одну изъ величайшихъ міровыхъ проблемъ. Онъ потерялъ Бога, но только для того, чтобы Его опять найти. Какъ Шатовъ у Достоевскаго, онъ вѣрилъ, что онъ будетъ вѣрить. Какъ тутъ не вспомнить мысль одной неизданной главы Достоевскаго: „совершенный атеистъ стоитъ на предпослѣдней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры", а также замѣчаніе Щербюлье: le bon

Dieu aime mieux ceux qui le renient que ceux qui le compromettent.

Въ такомъ же смыслѣ отрицалъ Бѣлинскій и русскую литературу: „у насъ нѣтъ литературы: я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ" [89]). Какъ Ломоносовъ мечталъ о будущихъ русскихъ „Платонахъ и Невтонахъ", такъ и Бѣлинскій мечталъ о будущихъ русскихъ Шекспирахъ, Шиллерахъ и Гете. Только такого рода великую, міровую литературу считалъ онъ достойною названія русской литературы. Во имя этого идеала онъ и утверждалъ, что „благородная нищета лучше мечтательнаго богатства" [90]), что „наша литература и теперь еще на пути стремленія, а не достиженія" [91]). Во имя этого же идеала онъ разрушалъ самообольщеніе тѣхъ, которые уже въ литературѣ, предшествовавшей Пушкину, находили „нашихъ Гомеровъ, Шекспировъ, Гете, Вальтеръ-Скоттовъ, Байроновъ, Шиллеровъ, Бальзаковъ, Корнелей, Мольеровъ, Аристофановъ" [92]), которые были убѣждены, что „Ломоносовъ нашихъ странъ Малербъ и Пиндару подобенъ, что Херасковъ—нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани, Россіи торжество, паденіе Казани, что Сумароковъ въ притчахъ побѣдилъ Лафонтена, а въ трагедіяхъ далеко оставилъ за собою Корнеля, и Расина, и господина Вольтера, и что съ этими тремя поэтами кончился цвѣтущій вѣкъ россійской словесности" [93]). „Смѣшно—писалъ Бѣлинскій—было прошлое добродушное самохвальство русской литературы, которая такъ смѣло мѣрялась силами съ любою европейскою литературою, и на французскую даже смотрѣла съ презрѣніемъ, живя и дыша въ то же время, займами у нея" [94]). Но тутъ же онъ прибавляетъ: „также смѣшно можетъ быть и отчаяніе за русскую литературу". Бѣлинскій признавалъ только міровую русскую литературу и вѣрилъ въ ея появленіе. „И тогда—писалъ онъ—мы явимся не подражателями, а соперниками европейцевъ" [95]). И вѣра его оправ-

далась. Онъ не только имѣлъ мужество отвергнуть предшествовавшую Пушкину литературу, какъ не стоящую на высотѣ мірового призванія Россіи. Онъ имѣлъ еще счастье дожить до настоящей міровой русской литературы. И съ какимъ восторгомъ онъ дѣлаетъ это открытіе! Какъ его радуетъ то, что Пушкинъ, „Поэтъ Русскій по преимуществу" [96]), оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительно „классическимъ" [97]) поэтомъ, „явленіемъ міровымъ и великимъ" [98]). И именно въ этомъ смыслѣ онъ его называетъ поэтомъ европейскимъ. Перечисляя лучшія произведенія Пушкина, онъ писалъ: „все это созданія великія, міровыя и чисто европейскія; .... какому народу, какому вѣку принадлежатъ они?— Человѣчеству и вѣчности!" [99]) Какъ онъ восхищался Лермонтовымъ: „о, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго!" [100]) „Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гете, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гете или Пушкинъ, ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ—Лермонтовъ" [101]). И Лермонтова и Гоголя онъ цѣнитъ главнымъ образомъ за міровые элементы ихъ творчества. Въ поискахъ за этими элементами онъ шелъ такъ далеко, что, напримѣръ, находилъ міровое значеніе даже въ томъ гусакѣ, который фигурируетъ въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ": „великая, безконечно великая черта художническаго генія этотъ гусакъ!" писалъ онъ [102]). Такимъ образомъ если Бѣлинскій и отрицалъ русскую литературу, то во имя русской же литературы, по принципу le plus grand ennemi du bon est le meilleur.

Въ такомъ же смыслѣ „отрицалъ" онъ и Россію. „Терпѣть не могу я восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ или на квасу да кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенною фор-

мою любви; но, признаюсь, жалки и непріятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпаспортные бродяги въ человѣчествѣ. ...Петръ Великій имѣлъ бы больше, чѣмъ кто-нибудь, право презирать Россію, но онъ

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье" [103]).

Съ точки зрѣнія великаго будущаго Россіи Бѣлинскій не хотѣлъ и не могъ восхищаться ея настоящимъ. Онъ это дѣлалъ тѣмъ сознательнѣе, что, какъ онъ увѣрялъ, „высокою способностію самоотрицанія обладаютъ только великіе люди и великіе народы, и ею-то русское племя возвысилось надъ всѣми славянскими племенами" [104]). „Любовь моя къ родному, къ русскому — писалъ онъ въ 1840 г.—стала грустнѣе: это уже не прекраснодушный энтузіазмъ, но страдальческое чувство" [105]). Дѣло въ томъ, что, какъ онъ выражается въ терминахъ нѣмецкой философіи, „все субстанціальное въ нашемъ народѣ, велико, необъятно, но опредѣленіе гнусно, грязно, подло [106]). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ эту же мысль мягче: „русскій народъ.... похожъ на геніальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и обѣщаетъ много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще недостаетъ опредѣленности" [107]).

Итакъ, субстанція великой русской культуры уже на лицо. Остается только „опредѣлить" ее. Бѣлинскій вѣрилъ и надѣялся, что это опредѣленіе не посрамитъ Россіи передъ человѣчествомъ и вѣчностью. „Русская личность —писалъ онъ—пока—эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость.... Русакъ пока еще дѣйствительно—ничего; но посмотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а между тѣмъ чего-то хочетъ, къ чему-то стремится" [108]). Грядущее „опредѣленіе" міровой русской „субстанціи",

думалъ Бѣлинскій, не можетъ обойтись безъ заимствованій съ запада. Но при этомъ заимствованію подлежитъ лучшее, что выработано западомъ, а, кромѣ того, это лучшее должно перевоплотиться въ національно-русское. Залогъ успѣха такого именно заимствованія Бѣлинскій видѣлъ въ необычайной воспріимчивости и отзывчивости русской натуры. „И теперь еще—писалъ онъ—такъ трудно для Француза понять Нѣмца, а для Нѣмца—понять Француза. Русскій легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко понимаетъ отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни Французомъ, ни Нѣмцемъ. Короче: русскій человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ, и, видно, богата должна быть его жизнь въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ! [109]). „Разумѣется, — писалъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ—что намъ также не къ лицу идетъ быть нѣмцами, какъ и французами, потому что у насъ есть своя національная жизнь—глубокая, могучая, оригинальная; но назначеніе Россіи есть—принять въ себя всѣ элементы не только европейской, но міровой жизни" [110]). И дѣйствительно „русскому равно доступны и соціальность француза, и практическая дѣятельность англичанина и туманная философія нѣмца" [111]). Но, предупреждаетъ Бѣлинскій, „перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія" [112]). Россія призвана не только перевоплотить въ свое національное достояніе міровые элементы западной культуры, но самостоятельно переработать ихъ и даже возвратить западу свое собственное новое слово мірового значенія. „Да, — увѣрялъ Бѣлинскій—мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль,—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать" [113]).

Всѣ эти ожиданія Бѣлинскаго въ значительной степени оправдались. Бисмаркъ не напрасно жаловался, что

нѣмецкій Karl перестаетъ уже быть нѣмцемъ, когда онъ превращается въ Карла Ивановича и даже Карлушу. Georg Wilhelm Friedrich Hegel совсѣмъ измѣнился, превратившись въ русскаго „Гегеля", или, какъ его называлъ Бѣлинскій, въ Егора Ѳеодоровича: исчезло все, специфически связанное съ берлинскою каѳедрою и прусскою политикою, и сохранились только міровые элементы его философіи, съ присоединеніемъ еще ряда чисто русскихъ проблемъ. Такое проникновеніе западныхъ идей и настроеній въ русскую жизнь и претвореніе ихъ ею иногда вело къ ихъ искаженію. Такъ, романтическая Schönseeligkeit на русской почвѣ получила сначала своеобразный характеръ „прекраснодушія", затѣмъ перешла въ то спеціальное „москводушіе", надъ которымъ подтруниваль Бѣлинскій [114]), потомъ, при содѣйствіи мечтателей вродѣ Гоголевскаго Тентетникова, переродилась въ маниловщину и, наконецъ, выродилась въ специфическп русскую „обломовщину". Но нерѣдко, пройдя черезъ русское сознаніе, западныя идеи до того расширялись и углублялись, что когда онѣ при посредствѣ русской литературы возвращались назадъ на западъ, онѣ принимались какъ новое слово, какъ откровеніе, идущее съ востока. Таково хотя бы впечатлѣніе, произведенное на западѣ Достоевскимъ, хотя не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что на него оказали сильное вліяніе именно западные авторы—Жоржъ Зандъ, Викторъ Гюго, Евгеній Сю.

Вотъ въ такомъ дѣйствительно міровомъ смыслѣ Бѣлинскій дѣйствительно и былъ и хотѣлъ быть западникомъ. Но при этомъ онъ поднимался на такую высоту, куда уже не доходятъ мелкія партійныя перегородки. И съ этой высоты онъ протягивалъ руку всему лучшему не только въ западничествѣ, но также и въ славянофильствѣ.

Бѣлинскій вовсе не былъ рѣшительнымъ и принципіальнымъ противникомъ славянофильства, какъ такового

Онъ былъ противникомъ только искаженій въ своемъ родѣ великой славянофильской идеи. Первымъ такимъ искаженіемъ было славянофильство оффиціальное. Насаждалъ его знаменитый Уваровъ, который, какъ возмущался С. М. Соловьевъ, проповѣдовалъ „народность— не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки" [115]). Такого славянофильства Бѣлинскій рѣшительно не признавалъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ еще студентомъ предпочиталъ голодать, чѣмъ быть въ зависимости отъ „каторжнаго, проклятаго, адскаго казеннаго кошта" [116]), онъ —въ отличіе отъ многихъ русскихъ писателей его времени — оставался существомъ во всѣхъ отношеніяхъ своекоштнымъ. Онъ оставался таковымъ даже и тогда, когда прославлялъ оффиціальную Россію въ „Бородинской годовщинѣ", и тогда, когда, въ 1847 г., въ надеждѣ на близкое освобожденіе крестьянъ съ высоты престола, лихорадочно и любовно слѣдилъ за придворными извѣстіями и протестовалъ противъ малѣйшихъ намековъ на оппозицію въ русской литературѣ. Оффиціальный міръ никогда не видѣлъ его у себя. И оффиціальное народничество Уварова нисколько его не увлекало.

Вторымъ искаженіемъ славянофильской идеи было славянофильство полуоффиціальное. Сюда относились такіе люди, какъ Самаринъ, „человѣкъ, какъ его характеризовалъ С. М. Соловьевъ [117]), замѣчательно умный, но холодный, ... сдѣлавшійся сначала славянофиломъ по недостатку ученаго образованія, особенно въ исторіи, потомъ укрѣпившійся въ славянофильствѣ по самолюбію". Сюда относился Шевыревъ и Погодинъ. Сюда же относились, наконецъ, такія личности, какъ Гречъ и Булгаринъ. Не признавалъ Бѣлинскій и такого славянофильства. Вершины его представлялись ему просто барскою затѣею, совсѣмъ не продуманною и не прочувствованною: такъ, Самарина онъ считалъ „баричемъ, который изучалъ народъ черезъ своего камердинера и

думаетъ, что любитъ его больше другихъ, потому что сочинилъ или принялъ на вѣру готовую о немъ мистическую теорію" [118]). Низменности такого славянофильства не брезгали доносами и ренегатствомъ. Могъ ли Бѣлинскій увлекаться Булгаринымъ, этимъ „патріотическимъ предателемъ", нѣкогда шедшимъ въ Наполеоновскихъ рядахъ противъ Россіи, а затѣмъ обвинявшимъ Бѣлинскаго, что онъ „не знаетъ вовсе Россіи" и что онъ — „ренегатъ" [119]). „Нѣтъ, М. Г.,—возражалъ ему Бѣлинскій съ глубочайшимъ возмущеніемъ—на святой Руси не было, нѣтъ и не будетъ ренегатовъ". Середину такого славянофильства составляла хвастливая заносчивость по отношенію къ западу. Западъ, молъ, гніетъ и обреченъ на погибель. Слабость его Шевыревъ доказывалъ между прочимъ такими соображеніями: „еслибы Волгу, Днѣпръ да Уралъ скатить въ три потока съ Альповъ на Италію — куда бы дѣлись отъ нихъ итальянцы?" [120]). Недовольные западомъ, полуоффиціальные славянофилы и въ Россіи признавали настоящимъ русскимъ только то, что соотвѣтствовало ихъ партійнымъ тенденціямъ.

Все это совсѣмъ не восхищало Бѣлинскаго. „Чувство,—какъ выражается Толстой въ „Севастополѣ" — рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго, — любовь къ родинѣ" давало ему безошибочный критерій для оцѣнки этихъ славянофиловъ. „Что такое патріотизмъ и патріоты — писалъ онъ—всякій знаетъ; но не всякій знаетъ, что патріоты раздѣляются на два разряда. Одни получаютъ имя патріотовъ за свои заслуги, отъ общества и отъ исторіи, какъ получили его Мининъ, Пожарскій, Сусанинъ и другіе .. Другіе сами себя провозглашаютъ патріотами, потому что громче другихъ говорятъ о любви и ревности ко всему отечественному" [121]). Утвержденія о гніеніи запада отчасти забавляли, отчасти возмущали его: „неужели — писалъ онъ – согласиться, что Европа

того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, Славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?... Подобная мысль, еслибъ о ея существованіи узнала Европа, никого не ужаснула бы тамъ. Мы предвидимъ наше великое будущее; но хотимъ непремѣнно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой поистинѣ братскій взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастія одного брата непремѣнно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христіанская мысль!" [122]). Еще болѣе возмущало Бѣлинскаго то, что славянофилы этого рода имѣли свой особый взглядъ на величіе Россіи, и что подъ этотъ взглядъ не подходило многое дѣйствительно великое на Руси, напримѣръ, Пушкинъ: „одинъ журналъ,—писалъ онъ въ 1843 г.—издающійся въ монгольско - китайскомъ духѣ, находя языкъ Пушкина не русскимъ, вознамѣрился перевести всего Пушкина по—русски!!!" [123]). Надо ли удивляться, что Бѣлинскій не только не примкнулъ къ этимъ своеобразнымъ „витязямъ прошедшаго и обожателямъ настоящаго" [124]), или, какъ онъ выражался, не хотѣлъ сѣсть за одинъ столъ съ филистимлянами, но даже тяготился необходимостью спорить съ ними: „бой мелочной,—оправдывался онъ—но все же бой, война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами" [125]).

Такимъ образомъ Бѣлинскій дѣйствительно чуждался славянофильства оффиціальнаго и полуоффиціальнаго, представлявшаго искаженіе настоящей славянофильской идеи. Но что касается третьяго рода славянофильства, именно славянофильства независимаго, исповѣдовавшагося братьями Аксаковыми, Кирѣевскимъ, Хомяковымъ и другими, и наравнѣ съ западничествомъ состоявшаго въ подозрѣніи у оффиціальныхъ сферъ, то отношеніе

его было уже совершенно иное. Даже Герценъ, какъ извѣстно, не отрицалъ своего духовнаго сродства съ такими славянофилами: „у нихъ и у насъ—писалъ онъ—запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно" [126]) Съ такимъ славянофильствомъ и у Бѣлинскаго было много общаго. Онъ сходился съ нимъ, когда возставалъ противъ подражательнаго европеизма, или, какъ онъ выражался, противъ нашихъ „пустоголовыхъ Европейцевъ, которые съ восхищеніемъ говорятъ о послѣдней фельетонной сказкѣ выписавшагося французскаго беллетриста, или съ амфазомъ поютъ новый водевильный куплетъ, давно забытый Парижанами" [127]). „Пошлите—писалъ онъ—всѣхъ этихъ господъ пожить—англоманомъ въ Англію, галломановъ—во Францію, германомановъ—въ Германію, да и посмотрите, такъ ли охотно, какъ вы, поспѣшатъ Англичане, Французы и Нѣмцы признать своими соотечественниками нашихъ англомановъ, галломановъ и германомановъ ...Нѣтъ, не попадутъ они въ соотечественники этимъ народамъ, а только развѣ прослывутъ между ними притчею во языцѣхъ, сдѣлаются предметомъ всеобщаго оскорбительнаго вниманія и удивленія" [128]). Сходился со славянофилами Бѣлинскій и тогда, когда онъ мыслилъ человѣчество не какъ соединеніе „безпаспортныхъ бродягъ" [129]), а какъ рядъ народностей. „Человѣкъ—великое слово, великое дѣло,—писалъ онъ, — но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій" [130]). „Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу я ско-

рѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ"[131]). Наконецъ, Бѣлинскій сходился со славянофилами и въ вѣрѣ въ міровое предназначеніе Россіи. Расходился онъ съ ними въ деталяхъ. Ихъ программа казалась ему ограниченною какъ въ пространствѣ, такъ и во времени: въ пространствѣ потому, что ихъ идеализмъ нерѣдко ограничивался рамками только Россіи или же славянства, во времени потому, что они склонны были идеализировать прошлое и смотрѣть съ недовѣріемъ на будущее. Но эти разногласія не мѣшали Бѣлинскому дружить съ К. Аксаковымъ и чувствовать симпатію къ Ив. Аксакову: „славный юноша!—писалъ онъ о немъ—славянофилъ, а такъ хорошъ, какъ будто никогда не былъ славянофиломъ. Вообще я впадаю въ страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами дѣйствительно могутъ быть порядочные люди. Грустно мнѣ думать такъ, но истина впереди всего!" [132]). Мало того. Случалось, что Бѣлинскій въ спорахъ съ западниками отстаивалъ славянофильскія идеи. Такъ, по свидѣтельству Кавелина, „въ одномъ разговорѣ съ Грановскимъ.... Бѣлинскій даже выражалъ славянофильскую мысль, что Россія лучше съумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Европа" [133]).

Вслѣдствіе всего этого насъ нисколько не должно удивлять, что Погодинъ увѣрялъ, будто Бѣлинскій былъ послѣдователемъ и восточниковъ и западниковъ [134]), что Аполлонъ Григорьевъ допускалъ возможность перехода Бѣлинскаго къ славянофиламъ, если бы ему суждено было дольше жить, что, по мнѣнію Достоевскаго, „славянофилы могли бы счесть его своимъ самымъ лучшимъ другомъ" [135]) и что, наконецъ, Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ даже, что Бѣлинскій „по справедливости можетъ считаться однимъ изъ родоначальниковъ славяно-

фильства" [136]). И мы видимъ, какъ трудно назвать Бѣлинскаго чистымъ и типичнымъ западникомъ.

Причина этого ясна. Бѣлинскій былъ не ученикомъ, а учителемъ. Онъ не воспринималъ. Онъ творилъ. Онъ не продолжалъ. Онъ начиналъ. Не онъ былъ послѣдователемъ кого бы то ни было, а у него были послѣдователи, среди которыхъ были и западники и славянофилы. И какъ совершенно справедливо замѣтилъ Тургеневъ, это была „центральная натура, всѣмъ существомъ своимъ близко стоявшая къ сердцевинѣ своего народа" [137]). Какъ выражался Кольцовъ на своемъ наивномъ языкѣ, „толпа людей любуется имъ безусловно". Вотъ эта толпа и образуетъ партію Бѣлинскаго – не ту, къ которой онъ принадлежалъ, а ту, которую онъ образовалъ и для которой совсѣмъ не такъ уже типично то или иное ея отношеніе къ западу. Чѣмъ же отличается эта партія? Прежде всего тѣмъ, что она стремится къ правдѣ въ жизни. „Много я ѣздилъ по Россіи—писалъ славянофилъ Ив. Аксаковъ: — имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько - нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. ...Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу, — ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго" [138]). Далѣе, партія Бѣлинскаго ищетъ красоты въ литературѣ какъ чисто эстетической, такъ и реалистической и умѣетъ отличать въ искусствѣ вѣчное отъ моднаго и преходящаго. Наконецъ, партія Бѣлинскаго—это всѣ тѣ, которые вообще живутъ міровыми вопросами и въ этомъ именно направленіи стремятся къ разрѣшенію той великой загадки, которой имя—Россія.

Примѣчанія.

[1]) Текстъ рѣчи, произнесенной (въ сокращенномъ видѣ) 23 октября 1911 года въ посвященномъ памяти Бѣлинскаго собраніи Императорскаго Варшавскаго университета совмѣстно съ состоящимъ при немъ Обществомъ исторіи, филологіи и права. [2]) Собраніе сочиненій, юбилейное изданіе подъ редакціею Иванова-Разумника, томъ, II стр. 284. [3]) А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, Спб., 1876, II, 325. [4]) Былое и думы, ч. I, гл. V, стр. 99 тома VI женевскаго изданія сочиненій. [5]) Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïef, publiées par la première fois par le p. Gagarin de la compagnie de Jésus, Paris-Leipzig, 1862, стр. 22. [6]) Сочиненія, IV, 143. [7]) X, 292. [8]) V, 15. [9]) VII, 121. [10]) Вѣстникъ Европы, 1907, V, 29. [11]) Пыпинъ, II, 281. [12]) Собраніе сочиненій, I, XCIX. [13]) I, XCVIII. [14]) I, CVII. [15]) Сочиненія, изд. Маркса, XII, 50. [16]) Пыпинъ, II, 288. [17]) Пыпинъ, II, 297. [18]) Пыпинъ, II, 286. [19]) Пыпинъ, II, 294. [20]) Пыпинъ, II, 287. [21]) Сочиненія, XII, 51. [22]) Пыпинъ, II, 307. [23]) С. Ашевскій, Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ, Спб., 1911, стр. 194. [24]) Дневникъ писателя за 1873 г., II (Сочиненія, изданіе Маркса, IX, 174). [25]) Ашевскій, 10. [26]) Ашевскій, 58. [27]) Собраніе сочиненій, I, XXVII. [28]) Пыпинъ, II, 151. [29]) Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова, академическое изданіе 1911 г., стр. 192; см. еще стр. 187. [30]) Тургеневъ, XII, 27. [31]) Тамъ же, 43. [32]) Ашевскій, 45. [33]) Ашевскій, 39. [34]) Ашевскій, 177. [35]) Ашевскій, 173. [36]) XII, 44. [37]) Пыпинъ, II, 140. [38]) Пыпинъ, I, 286. [39]) Пыпинъ, I, 287. [40]) Пыпинъ, II, 242. [41]) Пыпинъ, I, 285. [42]) Пыпинъ, II, 271. [43]) III, 896. [44]) Пыпинъ, II, 162. [45]) VII, 293. [46]) I, LXXII. [47]) Пыпинъ, II, 28. [48]) I, XXXI. [49]) Пыпинъ, II, 270. [50]) I, 102. [51]) I, 1011. [52]) II, 624. [53]) I, CI. [54]) I, 589. [55]) I, 583. [56]) I, 169.

[57]) III, 59. [58]) Пыпинъ, I, 287. [59]) III, 954. [60]) Пыпинъ, I, 292. [61]) Пыпинъ, II, 32. [62]) Пыпинъ, II, 113. [63]) Пыпинъ, I, 235. [64]) II, 319. [65]) Пыпинъ, II, 105. [66]) Пыпинъ, II, 28. [67]) Пыпинъ, II, 119. [68]) Ашевскій, 40. [69]) I, 905. [70]) I, 1014. [71]) I, LII. [72]) III, 359. [73]) II, 1084, см. еще 702. [74]) Пыпинъ, II, 106. [75]) Сочиненія, изд. Маркса. XI, 467. [76]) II, 216. [77]) Женевское изданіе, IV, 129. [78]) Пыпинъ, II, 216. [79]) Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ, Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, III, 1097. [80]) Пыпинъ, I, 287 298, 299, II, 28, 87, 185 [81]) Пыпинъ, II, 115. [82]) I, 713. [83]) III, 755. [84]) Ашевскій, 46. [85]) Ашевскій, 195. [86]) I, 100. [87]) III, 824. [88]) Тургеневъ, XII, 24. [89]) I, 100. [90]) I, 100. [91]) III, 958. [92]) I, 12. [93]) II. 542. [94]) II, 829. [95]) I, 101. [96]) I, 10. [97]) III, 492. [98]) I, 1015. [99]) I, 1014. [100]) Пыпинъ, II, 38. [101]) I, 959. [102]) I, 616. [103]) Пыпинъ, II, 307. [104]) II, 704. [105]) Пыпинъ, II, 49. [106]) Пыпинъ, II, 49, ср. I, 9. [107]) II, 132. [108]) Пыпинъ II, 281. [109]) II, 134. [110]) I, 448. [111]) III, 756. [112]) III, 770. [113]) III, 757. [114]) Пыпинъ, II, 47. [115]) Записки С. М. Соловьева, Вѣстникъ Европы, 1907, IV. стр. 453. [116]) Пыпинъ, I, 45. [117]) Вѣстникъ Европы, 1907, V, 32. [118]) III, 889. [119]) Ашевскій, 15. [120]) II, 390. [121]) II, 597. [122]) II, 881. [123]) II, 780. [124]) Пыпинъ, II, 281. [125]) Пыпинъ, II, 166. [126]) Герценъ, VII, 316. [127]) III, 504. [128]) III, 358. [129]) Пыпинъ, II, 307. [130]) Пыпинъ, II, 122. [131]) III, 766. [132]) Пыпинъ, II, 262. [133]) Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ, Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, III, 1091. [134]) Ашевскій, 54. [135]) Дневникъ писателя, Мой парадоксъ, Сочиненія, X, 219. [136]) I, 497. [137]) Сочиненія Тургенева, XII, 25. [138]) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ, томъ III, Москва, 1892, стр. 290 и слѣд.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.